

Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ¹⁾.

тарица Виталія, руководившая своими сподвижницами, между прочимъ, посвящала нѣкоторыхъ изъ нихъ, согласно ихъ просьбѣ и желанію²⁾.

Опредѣленнаго времени для общихъ моленій не было; монашки собирались въ общую келью по стуку въ стѣну. Въ скиту начинала молитву („замолитвовала“) Виталія; въ нашемъ домѣ замолитвовала мать; читались часы, каноны,

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1913 г.

²⁾ Ѳ. Ковалевъ, въ частности, съ подробностію останавливается на изложеніи тѣхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгала Виталія при совершеніи отдѣльныхъ священнодѣйствій. Чинъ посвященія въ монашество учинялся такимъ образомъ: въ нѣкоторомъ разстояніи отъ иконы, помѣщенной на полкѣ у стѣны келіи, ставилась посвящаемая, а по сторонамъ ея устанавливались другія странницы. Ставь противъ иконы почти у самаго порога келіи, посвящаемая начинала креститься и произносила слѣдующія слова: „Боже, милостивый буди мнѣ грѣшному“. По произношеніи этихъ словъ, она становилась на колѣни и приникала головой къ землѣ. Въ такомъ положеніи она оставалась, пока хоръ странницъ и монашекъ не пропоетъ три раза молитву — тропарь „объятія отче“. Затѣмъ посвящаемая вставала, дѣлала два или три шага впередъ и опять крестясь произносила: „Создавъ мя Господи и помилуй мя“. Хоръ повторялъ „объятія отче“. Наконецъ, за третьимъ разомъ посвящаемая говорила: „безъ числа согрѣшила, Господи, прости мя грѣшную“ и хоръ опять вторилъ: „объятія отче“, за симъ посвящаемая подходила къ Виталіи, стоявшей тутъ же у иконы, получала отъ нея монашеское одѣяніе, разложенное на столѣ, и облачалась въ таковое. Одѣяніе заключалось въ слѣдующихъ предметахъ: въ небольшомъ деревянномъ крестикѣ, надѣвавшемся на шею подъ рубаху, въ камилавкѣ, въ черной шерстяной мантии, обшитой вокругъ краснымъ шнуркомъ, въ ремennomъ поясѣ, въ сандаляхъ и въ парамантѣ, т. е. въ черномъ шерстя-

акаѳисты. Лично я читалъ чаще всего псалтирь и 12 псалмовъ. На вопросъ, какъ мать моя и Виталія принимали въ свою общину приходящихъ, что требовалось для вступленія въ общину, поясняю, что лично я въ это не входилъ, отъ матери слышалъ, что приходятъ монашки и ихъ принимаютъ безъ всякой платы и безъ обязательства участвовать въ работахъ.

Но „умерщвленіе плоти“ строгимъ постомъ, продолжительнымъ стояніемъ и многочисленными поклонами не исчерпываетъ еще всѣхъ подвиговъ плавнинскихъ обитателей-аскетовъ. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ мы находимъ нѣсколько веригъ, кои носились Виталіей и другими монашками. Эти желѣзные препоясанія, секретно носимыя на тѣлѣ, свидѣтельствуютъ, по заключенію экспертовъ, о тайныхъ подвигахъ насельниковъ скита.

Для того, чтобы проводить въ жизнь созданную Виталіей сложную обрядность, требовалась высокая авторитетность личности Ви-

номъ покрывалъ, которое надѣвалось по верхъ камилавки и спускалось ниже пояса. При надѣваніи креста посвящаемая произносила: „вземъ крестъ и послѣдовавъ кресту“, а при надѣваніи камилавки говорила: „творяя ангелы свои, духи и слухи твоя огонь палящъ“; за симъ, при облаченіи въ мантию произносила: „все упованіе мое къ тебѣ возлагаю, мати Божія, сохрани мя въ своемъ покровѣ“. Въ такомъ же родѣ стихи произносились и при надѣваніи другихъ предметовъ, при чемъ хоръ каждый разъ пѣлъ троекратно „Господи, помилуй“. Съ описаннымъ выше чиномъ посвященія въ монашество я, Ѡ. К., ознакомился при посвященіи Виталіей меня. Вновь прибывающихъ Виталія не перекрещивала и не одобряла прежняго, Тираспольскаго старообрядческаго попа, который вновь окрестилъ кого-то, надъ кѣмъ уже раньше совершено было взаимнъ крещенія — погруженіе. Изъ монахъ дѣтей я лично крестилъ дѣвочку Феодору, а старшую „погружалъ Иванъ Матренинскій“. „Погружалъ“ я дочь потому, что не признавалъ поповъ. Такъ меня научила Виталія, пояснивъ, что „нужды ради“, т. е. при отступленіи правильнаго священства—можно крестить самому. Виталія не отрицала священства въ принципѣ, а утверждала, что нѣтъ правильнаго священства, и что всѣ нынѣшніе священники ведутъ метрики, „записываются“, „подписываются“. На вопросъ, посвящала ли Виталія находящихъ въ супружествѣ лицъ, объясняю, что по словамъ Виталіи супруговъ нельзя посвящать и только въ видѣ исключенія были посвящены въ монашество передъ смертью супруги Суховы и Ѡомины. Въ схиму Виталія не могла посвящать даже „нужды ради“; „посхимить“ можетъ только черноризецъ монахъ въ санѣ іерейскомъ. Виталія работала схимы и продавала, но кому именно и за сколько не знаю. Передъ смертью всѣ зарывшіеся причащались сами, когда Виталія причащалась сама, то надѣвала на себя схиму. Отказавшись отъ поповъ, я въ теченіе 4-хъ съ лишнимъ лѣтъ не говѣлъ и не причащался; говѣли ли остальные, не знаю. Когда причащались рѣшившіеся умереть — чаша стояла на столикѣ, въ ней было Тѣло Христово въ видѣ маленькихъ кусочковъ, по числу причащавшихся, Кровью Христовой служила вода изъ колодца, причастіе запивали виномъ съ водою“.

таліи и безропотное подчиненіе скита этой авторитетности. „Она, по словамъ Ѳ. Ковалева, говорила: „не нужно ни поститься, ни молиться, а нужно исполнить послушаніе“. Иными словами, при столкновеніи религіозныхъ интересовъ съ интересами ея главенства, послѣдніе, по ея воззрѣнію, должны были одерживать верхъ. Предъявляемая Виталіей требованія были иногда своеобразны и не легко исполнимы. Такъ, въ отношеніи общихъ молитвъ, она не допускала совмѣстнаго нахождения женатыхъ.

Преклоняясь предъ стариной, Виталія недружелюбно относилась также ко многому, вошедшему въ обиходъ современной жизни. Объясняя свое отрицательное отношеніе къ современнымъ священникамъ, Виталія поясняла Ѳедору Ковалеву причину этого: „прежніе попы „не писались“, держались крѣпко, а нынѣшніе ведутъ метрическія книги, въ коихъ старообрядцы именуется раскольниками“. Виталія говорила: „мы расколъ проклинаемъ, а насъ пишутъ раскольниками“; запись же въ ревизскія сказки Виталія признавала правильной и ничего противъ ревизіи не имѣла. О сѣрникахъ (спичкахъ) говорила Виталія, что: „въ послѣдніе два года мы ихъ не употребляли, а разводили огонь кресаломъ; всего надо добиваться трудомъ, а сѣрники даютъ огонь безъ всякаго труда“. То же Виталія говорила и про машину, т. е. желѣзную дорогу, хотя и пользовалась ею. Старица Виталія оказывала сильное вліяніе своими поученіями на всѣхъ соприкасавшихся съ нею, всѣ ея слушались и подчинялись. Года три или четыре назадъ, удостовѣряетъ тотъ же Ѳ. Ковалевъ, моя мать говорила, что по словамъ матушки Виталіи не слѣдуетъ ходить въ церковь и почитать священнослужителей, не слѣдуетъ сближаться съ людьми, которые вращаются въ мірѣ, по кабакамъ и трактирамъ, и ѣсть и пить изъ одной посуды съ ними, не слѣдуетъ даже ѣсть ту пищу, которую ѣдятъ такіе люди“.

До какой степени измѣнилась Александра Ковалева подъ вліяніемъ Виталіи, свидѣтельствуетъ между прочимъ Ермолай Горзинъ, женатый на дочери Ковалевой Марѣѣ.

По настоящему дѣлу кромѣ Ѳедора Ковалева привлеченъ былъ какъ обвиняемаго мѣщанинъ Ермолай Горзинъ, въ усадьбѣ котораго обнаружена была часть труповъ закопанныхъ Ѳедоромъ Ковалевымъ лицъ, но результатами предварительнаго слѣдствія не было обнаружено данныхъ для обвиненія Ермолая Горзина въ участіи съ Ѳ. Ковалевымъ въ совершеніи тѣхъ преступныхъ дѣяній, вслѣдствіе чего уже по постановленію судеб. слѣдователя отъ 31 мая Ермолай Горзинъ былъ освобожденъ изъ подъ стражи и отданъ подъ полицейскій надзоръ. Привлеченіе къ дѣлу не лишаетъ однако

показанія Ермолая Горзина и его семейныхъ цѣннаго значенія, въ качествѣ показаній лицъ, близко касавшихся той обстановки, при которой совершились настоящія преступленія. Ермолай Горзинъ показалъ, что „года полтора тому назадъ, а можетъ быть два—теща моя Ковалева вдругъ стала меня не допускать ѣсть и пить съ нею, даже отдѣльно садила меня, давала особую посуду. Я спросилъ,—почему это—и она объяснила мнѣ, что я хожу по трактирамъ и шинкамъ, бывало вездѣ и встрѣчаюсь съ разными людьми, а потому со мною нельзя ѣсть и пить и она этого не хочетъ. Я на это ей ничего не сказалъ и такъ продолжалось до конца; вмѣстѣ мы не ѣли. Какъ-то я зашелъ въ хату тещи (Александры Ковалевой) по какому-то дѣлу и засталъ тамъ тещу и Виталію. Тутъ теща дала мнѣ хлѣба, соленыхъ огурцовъ и баклажановъ и сама стала ѣсть со мной. Это было очень удивительно, но скоро я догадался, что она, должно быть, по наущенію Виталіи хотѣла меня этимъ задобрить и соблазнить. Подумалъ я это потому, что здѣсь теща стала упрашивать меня, чтобы я не записывался въ перепись, что этого нельзя, что вотъ моль и матушка Виталія такъ говорятъ, но я по-прежнему отвѣчалъ имъ, что не согласенъ на это и что запишусь, какъ и прежде записывался. Обѣ онѣ пробовали меня просить и убѣждать не записываться, повторяя только одно: „время такое пришло, что нельзя записываться“. Тутъ теща стала серчать и Виталія вдругъ сказала: „нѣтъ благословенія говорить“, и онѣ перестали говорить объ этомъ, и я ушелъ домой. Послѣ того нѣкоторое время и теща и Виталія, какъ видно, сердились на меня и не говорили со мной, но потомъ онѣ опять стали повторять то же самое и совѣтовали мнѣ лучше уѣхать въ тайгу отъ переписи. ...Одновременно съ этимъ онѣ стали учить меня, что не слѣдуетъ платить налоговъ на имущество и что не слѣдуетъ принимать окладныхъ листовъ, а я отвѣчалъ: какъ такъ, вѣдь если я не буду платить налоговъ, то и владѣть землей не буду и чѣмъ же я буду воспитывать дѣтей и себя содержать? Тогда онѣ повторяли, что я говорю чепуху, серчали и переставали говорить, а черезъ нѣкоторое время опять начинали мнѣ повторять то же самое. Я же твердилъ имъ, что какъ жилъ мой дѣдъ и отецъ, такъ и я буду жить“ ...

Описанный Ермолаемъ Горзинымъ характеръ, сложившихся подъ вліяніемъ Виталіи, отношеній членовъ семьи Ковалевыхъ къ ея дѣятельности, подтверждается и показаніемъ жены этого свидѣтеля—Мары. Показанія эти даютъ основаніе къ заключенію, что Виталія не обнаруживала склонности къ непосредственному пропагандированію своего міровоззрѣнія, а дѣйствовала главнымъ обра-

зомъ черезъ посредство такихъ, вполне ей отдавшихся лицъ, какъ Александра Ковалева. Она сама не терпѣла противорѣчій и разъ опасалась встрѣтиться съ таковыми, предпочитала выдвигать за себя своихъ людей. Понятно поэтому, что въ представленіи Ермолая Горзина и вѣроятно другихъ окружавшихъ скитъ лицъ—она рисовалась, какъ выразился Горзинъ, „строкою“ и „сердитою“. Что такая тактика Виталіи приводила съ неизбежностью къ отдаленію родственныхъ семей Ковалевыхъ другъ отъ друга, видно также изъ показаній членовъ семьи Соловьевыхъ, къ составу которой принадлежала Анна—жена Ѳ. Ковалева, впоследствии зарывшаяся. Такъ, братъ покойной, Иванъ Соловьевъ, удостовѣрилъ, что Анна съ мужемъ не бывали у нихъ и, какъ онъ думаетъ, „гнушались“ ими. „Бывало, сестра Анна проходитъ мимо своего двора и не зайдетъ даже, а старушка Ковалева такъ прямо уже отворачивалась отъ меня“. Ковалевы перестали съ ними молиться Богу и не хотѣли ѣсть и пить съ тѣми, съ которыми разобщились, а если изрѣдка прѣзжали, то привозили съ собой свою посуду и даже свой хлѣбъ. Ковалевы признавали ихъ нечистыми людьми и потому не хотѣли знать ихъ.

Отношеніе Горзина къ попыткамъ Виталіи обратить его въ свою вѣру выяснено также въ показаніи Артемія Реуцева, удостовѣрившаго, что Горзинъ былъ недоволенъ частыми отправками жены въ усадьбу къ матери, Александрѣ, кричалъ на нее за это и, говорятъ, даже поколачивалъ. Отъ Ермолая свидѣтель слышалъ, что жена его перестала признавать священниковъ по наущенію своей матери (т. е. Александры Ковалевой). Ермолай плакалъ и говорилъ: „братцы, я несчастный человѣкъ, останутся двое сироты“.

Отчужденность скитянъ отъ окружавшаго населенія, созданная Виталією, была естественнымъ послѣдствіемъ рѣзкой разницы ихъ религіозныхъ воззрѣній, развивавшихся на почвѣ крайняго фанатизма, внесеннаго въ обиходъ скита Виталією. Она сознательно создавала эту отчужденность и видимо старалась укрѣпить ее при помощи внѣшнихъ атрибутовъ. Въ этомъ отношеніи достойно вниманія, что она, принимая въ составъ скита только лицъ, посвященныхъ ею въ монашество, снабжала посвященныхъ внѣшнимъ обликомъ монашескаго состоянія и въ частности кипариснымъ крестомъ, при чемъ снимала съ посвящаемаго „натѣльный“ крестъ, ранѣ носимый.

Выдѣляющееся значеніе личности Виталіи выясняется не только путемъ установки общихъ признаковъ созданнаго ею скита, но и путемъ установки частныхъ случаевъ проявленнаго ею вліянія на окружавшихъ ее лицъ. Случаи эти обнаружатся при дальнѣйшемъ

изложеніи, свидѣтельствуя о томъ, что противъ силы ея внушеній не могли себя охранить первобытныя и непосредственныя натуры обитателей Плавень. Личность Виталіи въ частности свидѣтельствуется лишній разъ истину, удостовѣренную всею исторіею нашего раскола, что участіе русской женщины въ жизни раскола велико.

Но на пути своей дѣятельности Виталія встрѣчала не однѣ только розы. Рядомъ съ лицами, слѣпо довѣрявшими ей и не мудрствуя слѣдовавшими за нею, были единицы, сомнѣвавшіяся въ истинности ея участія и даже рѣшительно и рѣзко отрицавшія его. Въ ряду скептиковъ укажемъ на того же Ермолая Горзина, жена таго на дочери Александры Ковалевой, о которомъ мы говорили. Онъ показалъ въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, вполне опредѣленно, что не поддакъ на энергическія увѣщанія тещи и остался вѣренъ своимъ прежнимъ воззрѣніямъ. Но особенно много заботъ и раздраженія причинилъ главарямъ скита одинъ изъ сыновей Александры Ковалевой, увлекавшійся спиртными напитками,— Іувеналій Ковалевъ. Его протесты были полны лиризма и приобрѣтали характеръ бурный, какъ о томъ свидѣлствуютъ его показанія. „Мать моя“, показалъ онъ, „стала говорить мнѣ, чтобы я оставилъ наше священство и не ходилъ бы къ священникамъ и въ церковь, такъ какъ ничего этого не надо“. Я очень удивился этому и спросилъ—почему это надо, на что мать объяснила мнѣ, что священники стали нехорошіе люди, что они ссорятся между собой, что они пьютъ вино и чай, чего нельзя имъ дѣлать, и что вообще теперь нѣтъ священниковъ и ихъ вовсе не надо. На это я отвѣчалъ, что не могу этого сдѣлать, такъ какъ и дѣдъ и отецъ мой ходили въ церковь и къ священникамъ, а потому и я буду. Тогда мать начала меня бранить. Пробовалъ мнѣ сказать то же самое братъ мой, Ѳедоръ, но такъ какъ онъ моложе меня, то я на него прикрикнулъ, выбранилъ его и сказалъ, что если онъ хочетъ слушать бабскую болтовню и ихъ совѣты, то пусть такъ и дѣлаетъ, а мнѣ чтобы не смѣлъ говорить объ этомъ. Съ того времени онъ больше ничего мнѣ подобнаго не говорилъ и я на него не обращалъ вниманія, а онъ все молился Богу..... Все это мнѣ надоѣло и я даже боялся ходить къ ней, не желая слушать брань и проклятія матери, и, правду сказать, ходилъ лишь тогда, когда для храбрости выпивалъ вина. Тогда я отправлялся къ матери и всегда думалъ выругать жившую у нея старицу Виталію, даже хотѣлъ побить ее, такъ какъ очень хорошо зналъ и видѣлъ, что все это идетъ отъ нея, что это она такъ научила мать и брата. Но Виталія боялась меня, никогда мнѣ не попадалась на глаза и

пряталась отъ меня, но не разъ случалось, что я, выпивши, кричалъ среди двора у матери и ругалъ Виталию самыми послѣдними словами, а она это слышала. За это моя мать еще больше сердилась на меня, говоря, что какъ я смѣю ругать „ангельскій чинъ“, я же говорилъ, что Виталия—обманщица, „уродствуетъ“, что она совершила мать и брата изъ истинной вѣры и разстроила нашу семейную жизнь. Что дѣлалось въ домѣ матери—я мало знаю, такъ какъ меня даже и въ домѣ перестали пускать“...

На вторичномъ допросѣ Ювеналій Ковалевъ показалъ: „ни отъ матери, ни отъ брата Ѳедора и ни отъ кого другого я никогда ничего не слышалъ объ антихристѣ, о его печати, о томъ, что онъ царствуетъ въ мірѣ и что всѣ власти отъ него. Точно также я ни отъ кого не слышалъ, что не надо платить податей, что надо уходить странствовать въ лѣса и пустыни и что не надо записываться къ ревизіи. Мать моя, Александра, однажды (однако) сказала мнѣ, что не надо записываться въ перепись, а когда я спросилъ, почему, то она лишь отвѣтила, что теперь этого не надо, а такъ какъ я сказалъ, что запишусь и дѣйствительно записался, то она на меня разсердилась и больше съ нею я объ этомъ не говорилъ. Съ кѣмъ-либо другимъ разговоръ объ этомъ не имѣлъ. Ермолая Горзина я знаю хорошо, такъ какъ онъ женатъ на моей родной сестрѣ Марѣ“.

Такимъ образомъ пропаганда Виталии и ея сообщницъ тяжелымъ бременемъ ложилась на невходившихъ въ составъ скиталицъ и вносила разладъ въ семьи. Вліяніе Виталии держало жителей Плавень въ напряженномъ страхѣ и вселяло въ нихъ ожиданіе чего-то недобраго. Тотъ же свидѣтель Ювеналій Ковалевъ сообщаетъ о слѣдующемъ эпизодѣ жизни Ермолая Горзина, мужа дочери Александры Ковалевой Марѣ (впослѣдствіи закопавшейся). Свидѣтель Ювеналій Ковалевъ говоритъ: „разъ былъ такой случай: Ермолай Горзинъ легъ спать и, проснувшись, не нашелъ ни жены, ни дѣтей дома. Это было на Рождество, уже послѣ того, какъ Анна К. и другіе исчезли, а потому онъ испугался, думая, что и жена его, Марѣа, съ дѣтьми тоже куда-нибудь уѣхала. Онъ такъ испугался, что зимой въ одной рубахѣ сѣлъ верхомъ на лошадь и собирался ѣхать въ Терновку заявить властямъ о розыскѣ жены и дѣтей. Вскорѣ пришли его жена и дѣти, которые ходили, оказывается, гулять“.

Не сладко жилось и въ стѣнахъ скита. По словамъ участника этой жизни, Ѳедора Ковалева, „монашки, проживая безъ паспортовъ, очень боялись полиціи и всякаго посторонняго: слыша вблизи звонокъ, онѣ, бывало, бѣгутъ, колотятся, ховаются и Христа ради упрашиваютъ мою мать скрыть ихъ“.

Едва-ли и душевное настроеніе самой Виталіи могло быть ко времени переписи радостнымъ, несмотря на всю мужественную ея волю и глубокое убѣжденіе въ истинности своихъ религіозныхъ воззрѣній. Оторвавшись отъ церкви и лишившись ея поддержки и помощи въ сомнѣніяхъ религіознаго свойства, она вынуждена была пуститься въ путь, чреватый опасностями. Она едва-ли могла, при такомъ направленіи своемъ, найти то религіозное удовлетвореніе, котораго жаждала ея совѣсть. Самый фактъ расширенія ею своихъ полномочій въ качествѣ „евангельской матери“ и совершеніе въ послѣдній періодъ ея жизни такихъ духовныхъ требъ, которыхъ она не совершала въ прежнюю пору, свидѣтельствуютъ о томъ остромъ, внутреннемъ броженіи, которое она должна была переживать. Самая непослѣдовательность ея, обнаруженная по отношенію къ желѣзной дорогѣ, къ деньгамъ и другимъ выдвигаемымъ жизнію вопросамъ, показываетъ, что догматическая сторона ея религіозныхъ убѣжденій страдала серьезными дефектами ¹⁾.

Спрошенная по дѣлу экспертиза установила, что Виталіи и ея скитники изъ поповцевъ превратились въ безпоповцевъ, но для опредѣленія, къ какой именно сектѣ безпоповской склонилась она, экспертиза встрѣтила серьезныя препятствія. Ставъ послѣдовательницею безпоповщины, говорятъ эксперты, Виталіи естественно должна была задать себѣ вопросъ, что же выбрать изъ массы безпоповщинскихъ толковъ?

Для нея было несомнѣнно только одно—что поповщинская вѣра „хуже жидовской“ (Григ. Сибилевъ), что истиннаго священства на землѣ нѣтъ,—оно „изсякло“ (Федоръ Ковалевъ), что „церкви и священнослужители не нужны вовсе—человѣкъ самъ себѣ церковь“ (ibid.). Но вѣдь одними отрицаніями обитатели скита удовлетвориться не могли. Они нуждались въ положительной догмѣ, доступной для ихъ пониманія и удовлетворяющей ихъ совѣсть. Нужно было предложить имъ такую догму, а между тѣмъ создать ее было не подъ силу Виталіи, лишенной широкаго богословскаго образованія и извѣрившейся въ помощи свѣдущихъ по этому предмету людей. Знакомство Виталіи съ текстами Священнаго Писанія, какъ ни важно оно, не въ состояніи было отстранить всѣ возникавшія въ ней сомнѣнія относительно истинности существующихъ церквей.

¹⁾ По показанію Федора Ковалева, „Виталіи и другія монашки рѣшили почему-то не принимать денегъ, но черезъ короткое время вновь стали ихъ принимать. Передъ Рождествомъ я увидѣлъ у матери сумку Виталіи, при чемъ мать сказала, что въ ней хранятся деньги; Виталіи расходовала ихъ по нуждѣ, сама же она денегъ не принимала. Когда именно Виталіи перестала принимать деньги—сказать точно не могу“.

Обреченная, такимъ образомъ, на безнадежное исканіе истины своими личными средствами и сознавая слабость послѣднихъ, Виталія должна была отзывчиво отнестись ко всему, что могло вывести ее изъ тяжелаго состоянія сомнѣній.

Въ дѣлѣ имѣется любопытный документъ, найденный судебнымъ слѣдователемъ по обыску въ скитѣ и можетъ быть сыгравшій роковую роль въ жизни Виталіи и ея скита. Документъ этотъ приобщенъ къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства и представлялъ изъ себя клочекъ бумаги, найденный исправникомъ подъ клеенкой, на полкѣ, въ кельѣ Ѳедора Ковалева. Въ слѣдовательскомъ протоколѣ осмотра этой бумаги значится слѣдующее: на сложенномъ -вдвое клочкѣ бумаги церковно-славянскими буквами написаны заимствованные „Церковными Вѣдомостями“, изъ „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ свѣдѣнія о раскольничьей сектѣ странниковъ или бѣгуновъ, весьма распространенной въ сибирской тайгѣ. „Странники проповѣдуютъ, что въ настоящее время въ мірѣ, особенно въ Россійской церкви и государствѣ, видимо царствуетъ антихристъ, въ цѣломъ рядѣ людей, преимущественно же въ представителяхъ власти, гражданской и духовной. Посему и не слѣдуетъ жить въ мірѣ, гдѣ на всемъ лежитъ печать антихриста, и нужно бѣжать изъ него, скитаясь по пустынямъ, горамъ и лѣсамъ. По слову псалмопѣвца: се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни. Чтобы освободить себя отъ подчиненія антихристу, они разорвали всѣ связи съ государствомъ и обществомъ, перестали записываться въ ревизію, платить подати, брать паспорта, и провозгласили, какъ правило жизни: „аще кто слышится силенъ быти, да борется съ сатаной, страшливѣе же да бѣгаютъ“, то есть признали возможнымъ двойное отношеніе къ власти: или открытую борьбу съ нею и всѣми ея учрежденіями и порядками, или, въ случаѣ слабости своей пассивное къ ней отношеніе, въ смыслѣ признанія необходимости укрывательства отъ антихриста бѣгствомъ въ лѣса и пустыни. Секта странниковъ сравнительно не особенно многочисленна: центромъ этой секты обычно считаютъ мѣсто ея родины Ярославскую губернію. Но люди, близко знающіе расколъ и сами вышедшіе изъ раскола, утверждаютъ, что главнѣйшее гнѣздо страннической секты находится въ тайгахъ: Томской, Колыванской, Урманской и Маріинской. Въ особенности въ первой: здѣсь цѣлыя сотни и тысячи людей бродятъ по лѣсамъ и болотамъ, скрываясь у такъ называемыхъ пристанодержателей или познанныхъ. Странники не довольствуются привольной и разнузданной жизнью въ лѣсахъ и болотахъ. Всѣ ихъ стремленія направлены къ тому, чтобы такъ или иначе обезсилить царство антихриста, и

они дѣйствительно обезсиливаютъ это мнимо-антихристово царство, вырывая по временамъ изъ среды его тѣхъ или другихъ его членовъ и уводя ихъ въ пустыни и лѣса на безцѣльное скитаніе и тунядство.

Странничество въ Томской епархіи изъ укромныхъ таежныхъ угловъ начинаетъ проникать и въ мѣста населенныя. Теперь странники появились на Кулундѣ, есть и въ Бійскомъ округѣ, въ Алтаѣ и предверіяхъ его; такъ извѣстно, что ушло въ пустынное житіе нѣсколько крестьянъ деревень Выдрихи, Безголосовой и Талды. Въ послѣдней особенно нерѣдко появляются невѣдомо откуда безвѣстные старцы, проживаютъ извѣстное время въ горныхъ ущельяхъ и пещерахъ, и уходятъ, соблазняя съ собой на странствованіе кого-либо изъ мѣстныхъ жителей“.

Относительно этого клочка бумаги Ѳ. Ковалевъ объяснилъ, что: „незадолго до переписи въ рукахъ у Виталіи оказалась эта вырѣзка изъ какой-то газеты, въ которой говорилось все это. Откуда Виталія достала эту вырѣзку, я не знаю. Она читала ее и намъ и Ѳоимнымъ и всѣмъ странникамъ и странницамъ, бывшимъ на-лицо, и говорила, что все это правда, что такъ и слѣдуетъ поступать, и мы вѣрили“. Далѣе Ковалевъ удостовѣрилъ, что бумага эта писана бывшей въ числѣ арестованныхъ и затѣмъ зарывшихся монашекъ. Списана была эта статья изъ „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, въ нѣсколькихъ экземплярахъ. „Виталія считала ее очень важной бумагой и читала намъ и всѣмъ вновь приходившимъ“. Документъ этотъ чрезвычайно важенъ и для всѣхъ, критически относящихся къ данному преступленію. Въ лицѣ его выясняется любопытный фактъ, устанавлиющій генезисъ зарожденія въ Виталіи міровоззрѣнія бѣгуновъ. Любопытно, что можетъ быть случайно дошедшій до Виталіи номеръ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ далъ ей то, въ чемъ она нуждалась—схему, опредѣлившую ту положительную сторону ея міровоззрѣнія, которой ей не хватало. Бѣгунскіе взгляды вполне соответствовали ея отрицательному отношенію къ церкви и жизни и явственно намѣчали ей тотъ путь, которымъ надлежало ей идти и вести за собою созданный ею скитъ. Къ моменту совершенія религіознаго изувѣрства въ Плавняхъ Виталіи, можетъ быть, еще и не удалось съ надлежащею полнотой освоиться съ этимъ міровоззрѣніемъ, но основы его много говорили ея уму и сердцу и обусловили дальнѣйшее направленіе ея дѣйствій.

По заключенію экспертовъ сущность ученія секты бѣгуновъ, или странниковъ, заключается въ томъ, что они, „принимая начало безпоповщины, отличаются отъ остальныхъ толковъ этой секты тѣмъ, что доходятъ до крайнихъ выводовъ въ ученіи объ

антихристъ. Тогда какъ вообще безпоповщина учить, что пришедшій со времени патріарха Никона антихристъ царствуетъ невидимо, духовно и что печать его—это содержимые православной церковью обряды, странники утверждаютъ, что антихристъ царствуетъ „тѣлесно и видимо“, а печатью антихриста признають повиновеніе правительству“¹⁾...

¹⁾ Эксперты привели данныя, характеризующія взгляды бѣгуновъ на государство и правительство. На вопросъ, какъ спастись? основатель секты бѣгуновъ въ своемъ сочиненіи „Цвѣтникъ“ отвѣчаетъ словами апокалипсиса и св. евангелиста Матѳея: всякому ищущему спасенія необходимо „брань творити“ съ антихристомъ (Апок. 13, 7) или „бѣжать въ горы и пустыни“ (Матѳ. 24, 16). „Для спасенія души должно быть житіе не пространное, но странное и врагомъ гонительное, чего ради достоинтъ таиться и бѣгати“. „Удалитися и бѣгати подобаетъ намъ,—читаемъ мы въ одномъ сочиненіи бѣгуновъ,—во антихристово время, понеже писано въ откровеніи Іоанна Богослова, во главѣ 12, яко и церковь побѣжитъ въ пустыню, а церковь—православніи христіане, истинніи раби Христовы; они побѣжатъ въ горы, въ вертепы и пропасты земныя отъ антихристовы прелести и спасутся; аще не такъ, то вси уловлены будутъ злокозненнымъ антихристомъ и погибнуть вѣчною гибелью. („Вѣст. Евр.“ 1873, 1). „Быть въ гоненіи, въ страхѣ, въ „скрытіи, вотъ чѣмъ можно спастись“ — проповѣдуетъ странническое ученіе, буквально слѣдуя этимъ внушеніямъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Ихъ никто не гонитъ,—они сами сочиняють себѣ гоненіе. Я знаю многихъ странницъ, говоритъ И. Аксаковъ, дочерей довольно зажиточныхъ оброчныхъ крестьянъ, о которыхъ нарочно подавались объявленія, что онѣ въ бѣгахъ, слѣдовательно, подлежатъ преслѣдованію правительства, между тѣмъ онѣ оставались дома, скрываясь въ тайникахъ родительскихъ избъ и находя для себя отраду сколько въ исключеніи изъ общества антихристовыхъ гражданъ, столько же въ стѣсненіи, скрытіи („Русск. Арх.“ 1866, IV) и гоненія, когда ихъ никто не гналъ. Царство антихриста обнимаетъ собою не только православное правительство и общество, къ нему принадлежатъ также и раскольники всѣхъ остальныхъ толковъ, кромѣ бѣгуновъ. Послѣдніе считаютъ раскольниковъ подвластными антихристу за то, что они такъ или иначе оказываютъ повиновеніе власти, хотя бы только притворное и наружное. „Многіе служители антихриста являются и говорятъ о себѣ: „Я—правой вѣры, я старой вѣры“. Всѣ накупаются старообрядцы и тѣ, что зовутся поповщиной, а вѣра ихъ пестра, и тѣ, что поморцами прозваны, Ѳедосѣевцами и Филипповцами; но всѣ они одного ехиднаго порожденія“. Вотъ почему странники не называютъ себя ни раскольниками, ни еепмовцами, по имени основателя секты, ни какимъ-либо другимъ именемъ, а только — христіанами, рабами Божиими, Христовыми. „Вѣра истинная, говоритъ одинъ странникъ, въ пещерахъ, въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ. Все теперь растлѣно прелестію антихриста, и земля на тридцать сажень оскверненная нечестіемъ людей вопіетъ къ Богу, прося попалить ее огнемъ и очистить отъ всякой человеческой скверни. Кто ищетъ спасенія, тотъ долженъ оставить все — отца, мать, родныхъ, друзей, отъ всего отречься и бѣжать въ пустыню. Не слѣдуетъ жить подъ одной кровлей, твоя ли она, или чужая, все равно, бѣги

Основанія этого бѣгунскаго міровоззрѣнія должны были много говорить Виталіи и подготовить ее, всею ея предшествующею жизнью, къ воспринятію этого ученія, или по крайней мѣрѣ существа его. Въ самыхъ текстахъ Священнаго писанія, которое она отмѣнно знала, она могла найти много данныхъ для подтвержденія предположеній своихъ объ истинности бѣгунскихъ воззрѣній и для увѣрованія въ реальность существованія на землѣ антихриста. Развѣ появленіе его не было издавна предсказано Пророками? (Дан. XI, 36, 37; II Сол. 3, 4)? Развѣ онъ не былъ въ писаніяхъ очерченъ явственными чертами, какъ отвергающій воплощеніе Христово (I Иоан. IV, 3; II Иоан., ст. 7), какъ обманщикъ (Мѣ. XXIV, 5, 24; II Сол. II, 10; I Иоан. II, 22), какъ производящій ложныя чудеса (II Сол. II, 9; Апок. XIII, 13, 14), какъ знаменующій наступленіе послѣдняго времени (I Иоан. II, 18) и т. д.

Самая наступившая въ ту пору народная перепись должна была много говорить той, которая умѣла читать и понимать тексты только буквально, такъ какъ произведенная при царѣ Давидѣ перепись населенія, по сказанію Священныхъ книгъ, вызвала гнѣвъ Божій! Развитію отрицательнаго отношенія Виталіи къ жизни, а

и странствуй, дондеже воззоветъ тебя Господь. Имѣть свой кровъ, — незамолимый грѣхъ, не забудешь его никакими молитвами, никакими поклонами, никакимъ дѣломъ душевнаго спасенія. Будь, какъ птица небесная, и вся вселенная будетъ твоя... Бѣги и брань твори съ антихристомъ. Брань съ антихристомъ есть противленіе его заповѣдямъ и прехвальнѣе этого подвига нѣтъ и спасительнѣе для души нѣтъ ничего. Всѣ паспорта и всякія бумаги нужно откинуть потому, что на нихъ печать антихриста. Податей отнюдь не должно платить: то-есть идолослуженіе врагу—антихристу. И ни къ какому обществу не нужно приписываться: то будетъ вступленіе въ сонмище антихриста и сидѣніе на сѣдалищахъ губителей. Если спросятъ: кто—ты и изъ какого града? отвѣчай: града настоящаго не имѣю, а грядущаго разыскаю... И твори брань съ антихристомъ. Не спасутъ ни постъ, ни вериги, ни другіе подвиги. Ни во что вмѣнятся молитвы и денно-нощныя стоянія на правилѣ,—и постъ, и воздержаніе, и отъ людей ненавидѣніе. Для спасенія нужно только смиреніе, послушаніе; не простое послушаніе, а совершенное отрѣшеніе своей воли, совершенная смерть всякаго помысла и всякаго пожеланія; должно дѣлать только то, что велѣть, своей же воли не имѣють. Антихристъ многоглавенъ, многоуменъ, многоязыченъ и т. д. (стран. 1871, 9). Такимъ образомъ по ученію странниковъ, антихристъ царствуетъ въ мірѣ видимо, въ лицѣ предержавшей власти, исполнители этой власти—слуги антихриста, православное русское государство и общество—это міръ антихристовъ, сатанинскій, къ нему принадлежатъ и всѣ раскольники, кромѣ бѣгуновъ; чтобы спастись, необходимо вести брань съ антихристомъ, т. е. не подчиняться власти, а бѣгать, таиться, скрываться. Таковы общія положенія секты бѣгуновъ.

также рѣшимость ея бороться съ антихристомъ, не останавливаясь ни предъ какими жертвами, съ неизбѣжностью содѣйствовала самая принадлежность ея къ безпоповщинѣ. По господствующему въ послѣдней возрѣнію, говоритъ историкъ раскола проф. П. С. Смирновъ¹⁾. Настало „послѣднее время“, міръ близился къ кончинѣ: явился и антихристъ—послѣдній врагъ истинной вѣры. Разъ явился самъ антихристъ, — значитъ, теперь и отступленіе отъ вѣры полное, и хранителя ея можно найти лишь въ „маломъ остаткѣ“, и эти „вѣрные“, предсказанные въ Писаніи на „послѣднія времена“, и суть безпоповцы. Нечестіе осквернило и весь видимый міръ, всѣ вещественные предметы. Отсюда въ храмахъ, въ канцеляріяхъ, въ домахъ, на торгахъ, на поляхъ, — вездѣ око безпоповца зрѣтъ антихриста. Имя Христа Спасителя „Іисусъ“, четвероконечный крестъ, троеперстіе—все это печать антихриста... чай, кофе, табакъ, картофель — суть „сласти антихриста“. Къ самой землѣ эти раскольники чувствуютъ враждебное отношеніе и своей основной принципъ „таиться“ бѣгуны доводятъ до того, что умершихъ хоронятъ секретно, въ мѣстахъ для другихъ неизвѣстныхъ, въ огородахъ, на пашняхъ, на дворахъ, а большею частью въ лѣсу; зарываютъ въ землю не глубоко, чтобы антихристова земля не слишкомъ давила покойника, и при томъ голову устраиваютъ нѣсколько выше, чѣмъ ноги, чтобы легче было подняться, когда настанетъ день Страшнаго Суда; дѣлается это дѣло ночью. Бѣгуны не имѣютъ „ни града, ни села, ни дома“ и главный импульсъ въ ихъ жизни — бѣгство отъ антихриста. Бѣгунъ есть невидимый міру „рабъ Христовъ“, мірское его имя и званіе должно быть никому неизвѣстно.

Это безпросвѣтное возрѣніе на міръ, неизбѣжно приводящее къ жадѣ смерти, было присуще и Виталии, какъ то видно изъ показаній Ѳеодора Ковалева. Приведенная выше вырѣзка изъ газеты, излагающая бѣгунское ученіе, появилась въ рукахъ ея незадолго до трагической катастрофы въ Плавняхъ. Изъ показаній какъ Ѳ. К., такъ и другихъ свидѣтелей, можно заключить, что объ антихриствѣ она говорила и поучала близкихъ, преимущественно въ послѣдній періодъ ея жизни. Она говорила, что „будетъ всемірная война, что всѣхъ старообрядцевъ будутъ обращать въ православіе, изгонять ихъ въ отдѣльное мѣсто, гдѣ-то далеко, въ Китаѣ что ли, что антихристъ можетъ появиться или въ мясопустную недѣлю, или на Пасху, но приблизительно въ это время долженъ явиться“.

¹⁾ Проф. П. С. Смирновъ: „Въ бѣгствѣ отъ антихриста (общая характеристика современной безпоповщины“. 1903 г.

Виталія рекомендовала Ѡ. Ковалеву, предъ ея самозакопаніемъ, послѣдовать ея примѣру, и говорила: „ты или заройся, или умри голодной смертью, или возьми сумочку, иди по деревнямъ, зови себя странникомъ, бродягою и не открывай своего званія“. Еще раньше, въ филипповку, Виталія заводила разговоръ, о томъ, что слѣдовало бы куда-нибудь бѣжать да некуда, а тайга, о которой сообщалось въ „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, далека. „Еще осенью прошлаго года между нами, говоритъ Ѡ. Ковалевъ, пронесся слухъ, что правительство будетъ переписывать всѣхъ людей: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и что тѣхъ людей, которые будутъ уклоняться отъ переписки, подвергнуть разнымъ мученіямъ; другіе говорили, что будутъ вѣшать, а третьи говорили, что уклоняющихся отъ переписи будутъ бросать въ какую-то специально устроенную для этого машину, которая разотретъ ихъ въ порошокъ. Монашка Виталія стала говорить всѣмъ намъ: матери моей, сестрамъ, братьямъ и остальнымъ постороннимъ лицамъ изъ старообрядцевъ, что настало время пришествія на землю антихриста, который будетъ разсылать своихъ подчиненныхъ записывать и переписывать всѣхъ христіанъ, и эта запись и перепись именуется „печатью антихриста“ и переписанный и получившій такимъ образомъ эту печать антихриста перейдетъ во власть послѣдняго. Поэтому слѣдуетъ избѣгать этой переписи и всѣми способами уклоняться отъ нея: бѣжать, скрываться по лѣсамъ и пещерамъ, а если сіе будетъ невозможно, то отправляться въ острогъ и умереть за Христа и получить такимъ образомъ мученическую кончину ради царствія Небеснаго. Жена моя Анна этого испугалась и первая заявила, что она готова идти хоть въ яму и зарыться тамъ, но чтобы дѣти наши не получили печать антихриста, она сказала, что и дѣтей зароетъ съ собою въ яму. Виталія одобрила рѣшимость моей жены умереть такимъ образомъ за Христа, ради Царствія Небеснаго, послѣ чего умереть такимъ же образомъ изъявили согласіе: зять мой Назаръ Ѡомиръ, его жена и моя сестра, Домна, ихъ дочь дѣвочка Парасковья, ихъ же работникъ Плосковскій крестьянинъ, парень Григорій Кравцовъ, сестра монашки Виталіи, неизвѣстная по имени и фамиліи и тоже монашка и наконецъ неизвѣстный старикъ монахъ. Я уговаривалъ свою жену не дѣлать этого, но она осталась непреклонною тѣмъ болѣе, что мать Виталія весьма это ободряла и поощряла“.

Не ограничиваясь догматическими соображеніями, Виталія, усматривая въ переписи печать антихриста, приводила доводы, выводимые изъ внѣшнихъ, случайныхъ признаковъ. Такъ, между прочимъ, она утверждала, что „перепись и печать антихриста — одно

и то же, такъ какъ оба слова начинаются на одну и ту же букву „п“, но если бы перепись прямо называли ея настоящимъ именемъ, т. е. печатью антихриста, тогда бы всѣмъ было ясно, къ чему она ведетъ, слово же перепись многихъ „прельщаетъ“ и скрываетъ ея настоящій смыслъ“.

Роковой моментъ столкновения съ антихристомъ быстрыми шагами приближался къ развязкѣ, а вмѣстѣ приближалось и разрѣшеніе того невозможнаго душевнаго настроенія, которое сложилось въ Плавняхъ, обитатели которыхъ полностію захвачены были идеею о воцарившемся антихристѣ и необходимости борьбы съ нимъ или погибели.

В. Случевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

